

Василий Ключевский

КУРС
РУССКОЙ
ИСТОРИИ

УДК 94(47)
ББК 63.3(2Рос)
К52

Художественное оформление *Ю. Щербакова*

Оформление переплета *В. Щербакова*

В оформлении переплета использованы
иллюстрация из «Царского титулярника» 1672 г.
и гравированный портрет В.О. Ключевского работы В.В. Матэ

Ключевский, Василий Осипович.

К52 Курс русской истории / Василий Ключевский. — Москва : Яуза-пресс, 2018. — 1152 с.
ISBN 978-5-9955-0984-4

Парадоксальное мышление, литературный талант и язвительность В.О. Ключевского (1841–1911) были известны современникам задолго до того, как он опубликовал «Курс русской истории» в 5 частях, над которым работал несколько десятков лет. Ученик С.М. Соловьева и его преемник на кафедре русской истории Московского университета, Ключевский со временем стал одним из самых заметных представителей историографии XIX–XX вв. Он разработал собственную концепцию исторического развития нашего государства и, помимо прочего, прославился едким определением «галерея культурных уродов» для придворной знати всех веков, а его восхитительное здравомыслие пришлось как нельзя кстати в эпоху, когда в российском обществе смешались мракобесие и прогрессивные настроения. «Курс русской истории» начал издаваться в 1900-х гг., перед первой русской революцией, но актуален и сейчас.

Все 86 лекций В.О. Ключевского, написанные живым, ярким языком, собраны в одном томе и продолжают прекрасно иллюстрированную серию «Русская историческая библиотека», в которую входят наиболее значительные труды по отечественной истории.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2Рос)

ISBN 978-5-9955-0984-4

© ООО «Яуза-пресс», 2018

ЛЕКЦИЯ I

Научная задача изучения местной истории. Исторический процесс. История культуры или цивилизации. Историческая социология. Две точки зрения в историческом изучении — культурно-историческая и социологическая. Методологическое удобство и дидактическая целесообразность второй из них в изучении местной истории. Схема социально-исторического процесса. Значение местных и временных сочетаний общественных элементов в историческом изучении. Методологические удобства изучения русской истории с этой точки зрения.

Ры прослушали уже несколько курсов по всеобщей истории, познакомились с задачами и приемами университетского изучения этой науки. Начиная курс русской истории, я предположу ему несколько самых общих элементарных соображений, цель которых — связать сделанные вами наблюдения и вынесенные впечатления по всеобщей истории с задачей и приемами отдельного изучения истории России.

НАУЧНАЯ ЗАДАЧА ИЗУЧЕНИЯ МЕСТНОЙ ИСТОРИИ. Понятен практический интерес, побуждающий нас изучать историю России особо, выделяя ее из состава всеобщей истории: ведь это история нашего отечества. Но этот воспитательный, т. е. практический, интерес не исключает научного, напротив, должен только придавать ему более дидактической силы. Итак, начиная особый курс русской истории, можно поставить такой общий вопрос: какую научную цель может иметь специальное изучение

истории одной какой-либо страны, какого-либо отдельного народа? Эта цель должна быть выведена из общих задач исторического изучения, т. е. из задач изучения общей истории человечества.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС. На научном языке слово *история* употребляется в двояком смысле: 1) как движение во времени, процесс, и 2) как познание процесса. Поэтому все, что совершается во времени, имеет свою историю. Содержанием истории как отдельной науки, специальной отрасли научного знания служит *исторический процесс*, т. е. ход, условия и успехи человеческого общежития или жизнь человечества в ее развитии и результатах. Человеческое общежитие — такой же факт мирового бытия, как и жизнь окружающей нас природы, и научное познание этого факта — такая же неустранимая потребность человеческого ума, как и изучение жизни этой природы. Человеческое общежитие выражается в разнообразных людских союзах, которые

могут быть названы историческими телами и которые возникают, растут и размножаются, переходят один в другой и, наконец, разрушаются, — словом, рождаются, живут и умирают подобно органическим телам природы. Возникновение, рост и смена этих союзов со всеми условиями и последствиями их жизни и есть то, что мы называем *историческим процессом*.

ДВА ПРЕДМЕТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ.

Исторический процесс вскрывается в явлениях человеческой жизни, известия о которых сохранились в исторических памятниках или источниках. Явления эти необозримо разнообразны, касаются международных отношений, внешней и внутренней жизни отдельных народов, деятельности отдельных лиц среди того или другого народа. Все эти явления складываются в великую жизненную борьбу, которую вело и ведет человечество, стремясь к целям, им себе поставленным. От этой борьбы, постоянно меняющей свои приемы и характер, отлагается нечто более твердое и устойчивое: это — известный житейский порядок, строй людских отношений, интересов, понятий, чувств, нравов. Сложившегося порядка люди держатся, пока непрерывное движение исторической драмы не заменит его другим. Во всех этих изменениях историка занимают два основных предмета, которые он старается разглядеть в волнистом потоке исторической жизни, как она отражается в источниках. Накопление опытов, знаний, потребностей, привычек, житейских удобств, улучшающих, с одной стороны, частную личную жизнь отдельного человека, а с другой — устанавливающих и совершенствующих общественные отношения между людьми, — словом, выработка человека и человеческого общежития — таков один предмет исторического изучения. Степень этой выработки, достигнутую тем или другим народом, обыкновенно называют его *культурой*, или *цивилизацией*; признаки, по которым историческое изучение определяет эту степень, составляют содержание особой отрасли исторического ведения, *истории культуры*, или *цивилизации*. Другой предмет исторического наблюдения — это природа и действие исторических сил, строящих человеческие общества, свойства тех многообразных нитей, материальных и духовных, помощью которых случайные и разнохарактерные людские единицы с мимолетным существованием складываются в стройные и плотные

Василий Осипович Ключевский (1841–1911).

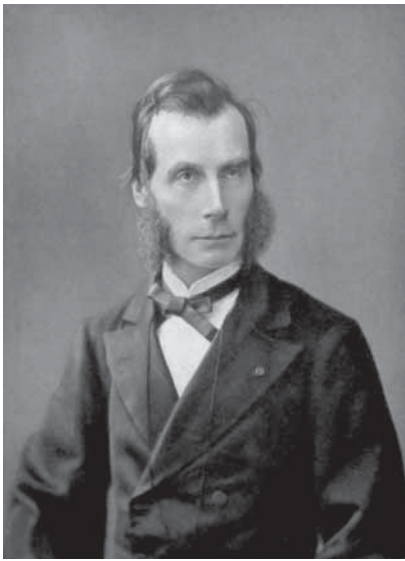
Фотография К. Фишера в Москве, 1897 г.

общества, живущие целые века. Историческое изучение строения общества, организации людских союзов, развития и отправлений их отдельных органов — словом, изучение свойств и действия сил, создающих и направляющих людское общежитие, составляет задачу особой отрасли исторического знания, науки об обществе, которую также можно выделить из общего исторического изучения под названием *исторической социологии*. Существенное отличие ее от истории цивилизации в том, что содержание последней составляют результаты исторического процесса, а в первой наблюдению подлежат силы и средства его достижения, так сказать, его кинетика. По различию предметов неодинаковы и приемы изучения.

ОТНОШЕНИЕ К НИМ ИСТОРИИ ОБЩЕЙ И МЕСТНОЙ.

Какое же отношение истории общей и местной к этим предметам познания?

Оба указанных предмета исторического изучения легче различаются в отвлеченной классификации знаний, чем в самом процессе изучения. На самом деле как в общей, так и в местной истории одновременно наблюдают и успехи общежития, и строение общества, притом так, что по самым успехам общежития изучают природу и действие строящих его сил и, наоборот, данным строем общества измеряют успехи общежития. Однако можно заметить, что в истории

Французский историк

Нюма-Дени Фюстель де Куланж (1830–1889).

*Портрет из книги Н.-Д. Фюстеля де Куланжа
«Римский коллат» (СПб., 1908)*

общей и в истории местной оба предмета не находятся в равновесии и в одном изучении преобладает один предмет, в другом — другой. Сравним, какую степень простора и какой материал находит для своих исследований историк культуры в пределах истории всеобщей и в пределах истории местной, и затем дадим себе такой же отчет по отношению к историку, поставившему перед собой вопросы социологического характера.

Успехи людского общежития, приобретения культуры или цивилизации, которыми пользуются в большей или меньшей степени отдельные народы, не суть плоды только их деятельности, а созданы совместными или преемственными усилиями всех культурных народов, и ход их накопления не может быть изображен в тесных рамках какой-либо местной истории, которая может только указать связь местной цивилизации с общечеловеческой, участие отдельного народа в общей культурной работе человечества или, по крайней мере, в плодах этой работы. Вы уже знакомы с ходом этой работы, с общей картиной успехов человеческого общежития: сменялись народы и поколения, перемещались сцены исторической жизни, изменялись порядки общежития, но нить исторического развития не прерывалась, народы и поколения зве-

нями смыкались в непрерывную цепь, цивилизации чередовались последовательно, как народы и поколения, рождаясь одна из другой и порождая третью, постепенно накапливался известный культурный запас, и то, что отложилось и уцелело от этого многовекового запаса, — это дошло до нас и вошло в состав нашего существования, а через нас перейдет к тем, кто придет нам на смену. Этот сложный процесс становится главным предметом изучения во всеобщей истории: прагматически, в хронологическом порядке и последовательной связи причин и следствий, изображает она жизнь народов, совместными или преемственными усилиями достигавших каких-либо успехов в развитии общежития. Рассматривая явления в очень большом масштабе, всеобщая история сосредоточивается главным образом на культурных завоеваниях, которых удалось достигнуть тому или другому народу. Наоборот, когда особо изучается история отдельного народа, кругозор изучающего стесняется самым предметом изучения. Здесь наблюдению не подлежит ни взаимодействие народов, ни их сравнительное культурное значение, ни их историческое преемство: преемственно сменявшиеся народы здесь рассматриваются не как последовательные

Генри Джеймс Самнер Мэн (1822–1888),

английский историк, юрист и социолог права.

*Фронтиспис из книги М.Э. Грант-Даффа
«Сэр Генри Мэн. Краткие воспоминания о его жизни»
(Нью-Йорк, 1892)*

моменты цивилизации, не как фазы человеческого развития, а рассматриваются сами в себе, как отдельные этнографические особи, в которых, повторяясь, видоизменялись известные процессы общежития, те или другие сочетания условий человеческой жизни. Постепенные успехи общежития в связи причин и следствий наблюдаются на ограниченном поле, в известных географических и хронологических пределах. Мысль сосредоточивается на других сторонах жизни, углубляется в самое строение человеческого общества, в то, что производит эту причинную связь явлений, т. е. в самые свойства и действие исторических сил, строящих общежитие. Изучение местной истории дает готовый и наиболее обильный материал для исторической социологии.

ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. Итак, разница в точках зрения и их сравнительном удобстве. Эти точки зрения вовсе не исключают одна другой, напротив, пополняют друг друга. Не только общая и местная история, но и отдельные исторические факты могут быть исследуемы с той или другой стороны по усмотрению исследователей. В *Древнем праве* Мэна и *Античной городской общине* Фюстель де Куланжа предмет одинаков — родовой союз; но у последнего этот союз рассматривается как момент античной цивилизации или как основа греко-римского общества, а у первого — как возраст человечества, как основная стихия людского общежития. Конечно, для всестороннего познания предмета желательно совмещение обеих точек зрения в историческом изучении. Но целый ряд соображений побуждает историка при изучении местной истории быть по преимуществу социологом.

ПРЕОБЛАДАНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ В МЕСТНОЙ ИСТОРИИ. Всеобщая история создавалась, по крайней мере доселе, не совокупной жизнью всего человечества, существовавшего в известное время, и не однообразным взаимодействием всех сил и условий человеческой жизни, а отдельными народами или группами немногих народов, которые преемственно сменялись при разнообразном местном и временном подборе сил и условий, нигде более не повторявшемся. Эта непрерывная смена народов на исторической сцене, этот вечно изменяющийся подбор исторических

Законы двенадцати таблиц. Один из древнейших письменно зафиксированных сводов римского права.

Старинная ксилография

сил и условий может показаться игрой случайностей, лишаящей историческую жизнь всякой планомерности и закономерности. На что может пригодиться изучение исторических сочетаний и положений, когда-то и для чего-то сложившихся в той или другой стране, нигде более не повторимых и не предвидимых? Мы хотим знать по этим сочетаниям и положениям, как раскрывалась внутренняя природа человека в общении с людьми и в борьбе с окружающей природой; хотим видеть, как в явлениях, составляющих содержание исторического процесса, человечество развертывало свои скрытые силы, — словом, следя за необозримой цепью исчезнувших поколений, мы хотим исполнить заповедь древнего оракула — познать самих себя, свои внутренние свойства и силы, чтобы по ним устроить свою земную жизнь. Но по условиям своего земного бытия человеческая природа как в отдельных лицах, так и в целых народах раскрывается не вся вдруг, целиком, а частично и прерывисто, подчиняясь обстоятельствам места и времени. По этим условиям отдельные народы, принимавшие наиболее видное участие в историческом процессе, особенно ярко проявляли ту или другую силу человеческой природы. Греки, раздробленные на множество слабых городских республик, с непревзойденной силой и цельностью развили в себе художественное творче-

ство и философское мышление, а римляне, основавшие небывалую военную империю из завоеванного ими мира, дали ему удивительное гражданское право. В том, что сделали оба этих народа, видят их историческое призвание. Но было ли в их судьбе что-либо роковое? Была ли предназначена в удел Греции идея красоты и истины, а Италии — чутье правды? История отвечает на это отрицательно. Древние римляне были посредственные художники-подражатели. Но потомки их, смешавшиеся с покорившими их варварами, потом воскресили древнее греческое искусство и сделали Италию образцовой художественной мастерской для всей Европы, а родичи этих варваров, оставшиеся в лесах Германии, спустя века особенно усердно рецепировали римское право. Между тем Греция с преемницей павшего Рима, Византией, тоже освеженная наплывом варваров, после Юстинианова кодекса и Софийского собора не оставила памятных образцов ни в искусстве, ни в правоведении. Возьмем пример из новейшего времени. В конце XVIII и в начале XIX в. в Европе не было народа более мирного, идиллического, философского и более пренебрегаемого соседями, чем немцы. А менее чем сто лет спустя после появления Вертера и только через одно поколение от Йены этот народ едва не завоевал всей воинственной Франции, провозгласил право силы как принцип международных отношений и поставил под ружье все народы континентальной Европы.

ИДЕАЛЬНАЯ ЦЕЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ. Значит, тайна исторического процесса, собственно, не в странах и народах, по крайней мере не исключительно в них самих, в их внутренних, постоянных, данных раз навсегда особенностях, а в тех многообразных и изменчивых счастливых или неудачных сочетаниях внешних и внутренних условий развития, какие складываются в известных странах для того или другого народа на более или менее продолжительное время. Эти сочетания — основной предмет исторической социологии. Хотя они запечатлены местным характером и вне данного места неповторимы, но это не лишает их научного интереса. Чрез общества, подпадавшие под их действие, они вызывали наружу те или другие свойства человечества, раскрывали его природу с разных сторон. Все исторически слагавшиеся общества — все различные местные сочетания разных условий раз-

вятия. Следовательно, чем больше изучим мы таких сочетаний, тем полнее узнаем свойства и действие этих условий, каждого в отдельности или в данном наиболее своеобразном подборе. Так этим путем, быть может, удастся выяснить, как *общее* правило, *когда*, например, капитал убивает свободу труда, не усиливая его производительности, и *когда* помогает труду стать более производительным, не порабощая его. Изучая местную историю, мы познаём состав людского общежития и природу составных его элементов. Из науки о том, как строилось человеческое общежитие, может со временем — и это будет торжеством исторической науки — выработаться и общая социологическая часть ее — наука об *общих* законах строения человеческих обществ, приложимых независимо от преходящих местных условий.

Определив, в каком соотношении должны находиться при изучении местной истории точки зрения культурно-историческая и социологическая, перейдем теперь к ближайшему рассмотрению самого этого вопроса об условиях развития людских обществ, о тех или иных сочетаниях этих условий.

ОСНОВНЫЕ СИЛЫ ОБЩЕЖИТИЯ.

Исторический процесс, как мы его определили, складывается из совместной работы нескольких сил, смыкающих отдельные лица в общественные союзы. В области опытного или наблюдательного познания, а не созерцательного, богословского ведения мы различаем две основные первичные силы, создающие и движущие совместную жизнь людей: это — человеческий дух и внешняя, или так называемая физическая, природа. Но история не наблюдает деятельности отвлеченного человеческого духа: это область метафизики. Равным образом она не ведаёт и одинокого, отрешенного от общества человека: человек сам по себе не есть предмет исторического изучения; предмет этого изучения — совместная жизнь людей. Историческому наблюдению доступны конкретные виды или формы, какие принимает человеческий дух в совместной жизни людей: это индивидуальная человеческая *личность* и человеческое *общество*. Я разумею *общество* как историческую силу не в смысле какого-либо специального людского союза, а просто как факт, что люди живут вместе и в этой совместной жизни оказывают влияние друг на друга. Это взаимное влияние совместно

живущих людей и образует в строении общежития особую стихию, имеющую особые свойства, свою природу, свою сферу деятельности. Общество состоит из лиц; но лица, составляющие общество, сами по себе каждое — далеко не то, что все они вместе, в составе общества: здесь они усиленно проявляют одни свойства и скрывают другие, развивают стремления, которым нет места в одинокой жизни, посредством сложения личных сил производят действия, непосильные для каждого сотрудника в отдельности. Известно, какую важную роль играют в людских отношениях пример, подражание, зависть, соперничество, а ведь эти могущественные пружины общежития вызываются к действию только при нашей встрече с ближними, т. е. навязываются нам обществом. Точно так же и внешняя природа нигде и никогда не действует на все человечество одинаково, всей совокупностью своих средств и влияний. Ее действие подчинено многообразным географическим изменениям: разным частям человечества по его размещению на земном шаре она отпускает неодинаковое количество света, тепла, воды, миазмов, болезней — даров и бедствий, а от этой неравномерности зависят местные особенности людей. Я говорю не об известных антропологических расах — белой, темно-желтой, коричневой и проч., происхождение которых во всяком случае нельзя объяснить только местными физическими влияниями; я разумею те преимущественно бытовые условия и духовные особенности, какие вырабатываются в людских массах под очевидным влиянием окружающей природы и совокупность которых составляет то, что мы называем *народным темпераментом*. Так и внешняя природа наблюдается в исторической жизни как *природа страны*, где живет известное людское общество, и наблюдается как сила, поскольку она влияет на быт и духовный склад людей.

ЕГО ЭЛЕМЕНТЫ. Итак, человеческая *личность*, людское *общество* и *природа страны* — вот те три основные исторические силы, которые строят людское общежитие. Каждая из этих сил вносит в состав общежития свой запас элементов или связей, в которых проявляется ее деятельность и которыми завязываются и держатся людские союзы. Элементы общежития — это либо свойства и потребности нашей природы, физической и ду-

ховной, либо стремления и цели, какие рождаются из этих свойств и потребностей при участии внешней природы и других людей, т. е. общества, либо, наконец, отношения, какие возникают между людьми из их целей и стремлений. Сообразно с таким или иным происхождением одни из этих элементов могут быть признаны простыми или первичными, другие производными вторичного и дальнейших образований из совместного действия простых. По основным свойствам и потребностям человека эти элементы можно разделять на *физиологические* — пол, возраст, кровное родство, *экономические* — труд, капитал, кредит, *юридические* и *политические* — власть, закон, право, обязанности, *духовные* — религия, наука, искусство, нравственное чувство.

СХЕМА СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА.

Общежитие складывается из своих элементов и поддерживается двумя средствами, *общением* и *преемством*. Чтобы стало возможно общение между людьми, необходимо что-либо общее между ними. Это общее возможно при двух условиях: чтобы люди понимали друг друга и чтобы нуждались друг в друге, чувствовали потребность один в другом. Эти условия создаются двумя общими способностями: *разумом*, действующим по одинаковым законам мышления и в силу общей потребности познания, и *волей*, вызывающей действия для удовлетворения потребностей. Так создается взаимодействие людей, возможность воспринимать и сообщать действие. Таким обменом действий отдельные лица, обладающие разумом и волей, становятся способны вести общие дела, смыкаться в общества. Без общих понятий и целей, без разделяемых всеми или большинством чувств, интересов и стремлений люди не могут составить прочного общества; чем больше возникает таких связей и чем больше получают они власти над волей соединяемых ими людей, тем общество становится прочнее. Устаиваясь и твердея от времени, эти связи превращаются в нравы и обычаи. В силу тех же условий общение возможно не только между отдельными лицами, но и между целыми чередующимися поколениями: это и есть *историческое преемство*. Оно состоит в том, что достояние одного поколения, материальное и духовное, передается другому. Средствами пере-

В.О. Ключевский в 1873 г.

Анисья Бородина, жена В.О. Ключевского

дачи служат *наследование и воспитание*. Время закрепляет усвояемое наследие новой нравственной связью, *историческим преданием*, которое, действуя из поколения в поколение, претворяет наследуемые от отцов и дедов заветы и блага в наследственные свойства и наклонности потомков. Так из отдельных лиц составляются постоянные союзы, переживающие личные существования и образующие более или менее сложные *исторические типы*. Преемственной связью поколений вырабатывалась цепь союзов, все более усложнявшихся вследствие того, что в дальнейшие союзы последовательно входили новые элементы вторичного образования, возникавшие из взаимодействия первичных. На физиологических основах кровной связи строилась первобытная *семья*. Семьи, пошедшие от одного корня, образовывали *род*, другой кровный союз, в состав которого входили уже религиозные и юридические элементы, почитание родоначальника, авторитет старейшины, общее имущество, круговая самооборона (родовая месть). Род через нарождение разрастался в *племя*, генетическая связь которого выражалась в единстве языка, в общих обычаях и преданиях, а из племени или племен посредством разделения, соединения и ассимиляции составлялся *народ*, когда к связям этнографическим присоединялась нравственная, сознание духовного единства, воспитанное общей жизнью и совокупной деятельностью, общностью исторических судеб и ин-

тересов. Наконец, народ становится *государством*, когда чувство национального единства получает выражение в связях политических, в единстве верховной власти и закона. В государстве народ становится не только политической, но и исторической личностью с более или менее ясно выраженным национальным характером и сознанием своего мирового значения.

Таковы основные формы общежития, представляющие последовательные моменты его роста. Начавшись кровной связью тесной семьи, процесс завершался сложным государственным союзом. При этом каждый предшествующий союз входил в состав последующего, из него развивавшегося. На высшей ступени, в государстве, эти союзы совмещались: семья с остатками родового союза становилась в ряду частных союзов как основная клеточка общественной организации; племена и народы либо ложились в основу сословного деления, либо оставались простыми этнографическими группами с нравственными связями и общими историческими воспоминаниями, но без юридического значения, как это бывало в разнородных, многонародных государствах. Но, складываясь из союзов кровного родства, общественный состав государства подвергался обратному процессу внутреннего расчленения по разнообразным частным интересам, материальным и духовным. Так возникали многообразные частные союзы, которые входят в состав гражданского общества.

НАУЧНЫЙ ИНТЕРЕС РАЗНООБРАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СОЧЕТАНИЙ.

Я напомнил вам эту известную общую схему социально-исторического процесса для того, чтобы на ней показать, какие явления наблюдаются в этом процессе при местном его изучении. Бесконечное разнообразие союзов, из которых складывается человеческое общество, происходит оттого, что основные элементы общежития в разных местах и в разные времена являются не в одинаковом подборе, приходят в различные сочетания, а разнообразие этих сочетаний создается в свою очередь не только количеством и подбором составных частей, большею или меньшею сложностью людских союзов, но и различным соотношением одних и тех же элементов, например преобладанием одного из них над другими. В этом разнообразии, коренная причина которого в бесконечных изменениях взаимодействия исторических сил, самое важное то, что элементы общежития в различных сочетаниях и положениях обнаруживают неодинаковые свойства и действия, повертываются перед наблюдателем различными сторонами своей природы. Благодаря тому даже в однородных союзах одни и те же элементы стоят и действуют неодинаково. Кажется, что может быть в человеческом общежитии проще и однообразнее семьи? Но какая разница между семьей христианской и языческой или между семьей древней, в состав которой входили и челядинцы как родные и в которой все домочадцы рабски безмолвствовали перед домовладыкой, и семьей новой, основанной исключительно на кровном родстве и в которой положение всех членов обеспечено не только юридическими, но еще более нравственными определениями, где власть родителей является не столько совокупностью прав над домочадцами, сколько совокупностью обязанностей и забот о детях. Присутствие элементов, незаметных в составе первобытной языческой семьи, изменило характер союза. Одни и те же элементы, сказал я, действуют неодинаково в различных сочетаниях. Если мы замечаем, что в одной и той же стране в разные времена капитал то поработничал труд, то помогал развитию его свободной деятельности, усиливая его производительность, то служил источником почета, уважения к богатству, то разжигал ненависть или презрение со стороны бедноты, — мы вправе заключать, что социальный состав и нравственное настроение общества в той стране подвергались глу-

«Прибытие на Нижегородскую ярмарку
партии крепостных на продажу».

Рисунок К. Лебедева, 1917 г.

боким переломам. Или примите в соображение, как видоизменяется начало кооперации в семье, в артели, в торговой компании на акциях, в товариществе на вере. Посмотрите также, как изменяется образ действий государственной власти от состояния общества в разные периоды государственной жизни: она действует то независимо от общества, то в живом единении с ним, то закрепляет существующие неравенства и даже создает новые, то уравнивает классы и поддерживает равновесие между общественными силами. Даже одни и те же лица, образуя различные по характеру союзы вследствие разнообразия интересов, ими руководящих, действуют различно в торговой конторе, в составе ученого, художественного или благотворительного общества. Еще пример. Труд — нравственный долг и основа нравственного порядка. Но труд труду рознь. Известно, что труд подневольный, крепостной, производит далеко не то же действие на хозяйственный и нравственный быт народа, как труд вольный: он убивает энергию, ослабляет предприимчивость, развращает нравы и даже портит расу физически. В последние десятилетия перед освобождением крестьян у нас стал прекращаться естественный прирост крепостного населения, т. е. начинала вымирать целая половина сельской России, так что отмена крепостного права переставала быть вопросом только справедливости или человеколюбия, а становилась делом стихийной необходимости. Последний пример. Известно, что в первобытном кровном союзе личность исчезала под гнетом старшего, и ее высвобождение из-под этого гнета надобно считать значительным успехом в ходе

ЛЕКЦИЯ II

План курса. Колонизация страны как основной факт русской истории. Периоды русской истории как главные моменты колонизации. Господствующие факты каждого периода. Видимая неполнота плана. Исторические факты и так называемые идеи. Различное происхождение и взаимодействие тех и других. Когда идея становится историческим фактом? Существо и методологическое значение фактов политических и экономических. Практическая цель изучения отечественной истории.

ПЛАН КУРСА. Мы говорили о научных задачах изучения местной истории. Мы нашли, что основная задача такого изучения — познание природы и действия исторических сил в местных сочетаниях общественных элементов. Теперь, руководствуясь этой задачей, установим план курса.

На протяжении всей нашей истории наблюдаем несколько форм или складов общежития, преемственно в ней сменявшихся. Эти формы общежития создавались различными сочетаниями общественных элементов. Основное условие, направлявшее смену этих форм, заключалось в своеобразном отношении населения к стране — отношении, действовавшем в нашей истории целые века, действующем и доселе.

КОЛОНИЗАЦИЯ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТ. Обширная Восточно-Европейская равнина, на которой образовалось Русское государство, в начале нашей истории не является на всем своем пространстве заселенной тем народом, который до-

селе делает ее историю. Наша история открывается тем явлением, что восточная ветвь славянства, потом разросшаяся в русский народ, вступает на русскую равнину из одного ее угла, с юго-запада, со склонов Карпат. В продолжение многих веков этого славянского населения было далеко не достаточно, чтобы сплошь с некоторой равномерностью занять всю равнину. Притом по условиям своей исторической жизни и географической обстановки оно распространялось по равнине не постепенно путем нарождения, не *расселяясь*, а *переселяясь*, переносилось птичьими перелетами из края в край, покидая насиженные места и сядя на новые. При каждом таком передвижении оно становилось под действие новых условий, вытекавших как из физических особенностей новозанятого края, так и из новых внешних отношений, какие завязывались на новых местах. Эти местные особенности и отношения при каждом новом размещении народа сообщали народной жизни особое направление, особый склад и характер. История

России есть история страны, которая колонизуется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней. Оно усилилось с отменой крепостного права, когда начался отлив населения из центральных черноземных губерний, где оно долго искусственно сгущалось и насильственно задерживалось. Отсюда население пошло разносторонними струями в Новороссию, на Кавказ, за Волгу и далее за Каспийское море, особенно за Урал в Сибирь, до берегов Тихого океана. Во второй половине XIX в., когда только начиналась русская колонизация Туркестана, там водворилось уже свыше 200 тысяч русских и в том числе около 100 тысяч образовали до 150 сельских поселений, составившихся из крестьян-переселенцев и местами представляющих значительные острова почти сплошного земледельческого населения. Еще напряженнее переселенческий поток в Сибирь. Официально известно, что ежегодное число переселенцев в Сибирь, до 1880-х годов не превышавшее 2 тысячи человек, а в начале последнего десятилетия прошлого века достигшее до 50 тысяч, с 1896 г. благодаря Сибирской железной дороге возросло до 200 тысяч человек, а за два с половиной года (с 1907-го по июль 1909 г.) в Сибирь пришло около 2 миллионов переселенцев. Все это движение, идущее преимущественно из центральных черноземных губерний Европейской России, при ежегодном полуторамиллионном приросте ее населения пока еще кажется

малозначительным, не дает себя чувствовать ощутительными толчками; но со временем оно неминуемо отзовется на общем положении дел немаловажными последствиями.

ПЕРИОДЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ КАК ГЛАВНЫЕ МОМЕНТЫ КОЛОНИЗАЦИИ.

Так переселение, колонизация страны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты. Останемся пока на самом факте, не касаясь его происхождения. Он и ставил русское население в своеобразное отношение к стране, изменявшееся в течение веков и своим изменением вызывавшее смену форм общежития. Этот факт и послужит основанием плана курса. Я делю нашу историю на отделы, или периоды, по наблюдаемым в ней народным передвижениям. Периоды нашей истории — этапы, последовательно пройденные нашим народом в занятии и разработке доставшейся ему страны до самой той поры, когда, наконец, он посредством естественного зарождения и поглощения встречных инородцев распространился по всей равнине и даже перешел за ее пределы. Ряд этих периодов — это ряд привалов или стоянок, которыми прерывалось движение русского народа по равнине и на каждой из которых наше общежитие устроилось иначе, чем оно было устроено на прежней стоянке. Я перечислю эти периоды, указывая в каждом из них господствующие факты, из коих один — политический, другой — экономический,

Железный мост через реку Ушайку.

Из книги «Великий путь».

Виды Сибири и ее железных дорог»

(Красноярск, 1899 г.)

Общий вид моста через реку Яю.

Из книги «Великий путь».

Виды Сибири и ее железных дорог»

(Красноярск, 1899 г.)

Построение Новгорода ильменскими словенами.

Миниатюра из Радзивилловской летописи, XV в.

и обозначая при этом ту область равнины, на которой в данный период сосредоточивалась масса русского населения, — не все население, а главная масса его, делавшая историю.

Приблизительно с VIII в. нашей эры, не раньше, можем мы следить с некоторой уверенностью за постепенным ростом нашего народа, наблюдать внешнюю обстановку и внутреннее строение его жизни в пределах равнины. Итак, с VIII до XIII в. масса русского населения сосредоточивалась на среднем и верхнем Днепре с его притоками и с его историческим водным продолжением — линией Ловатья—Волхов. Все это время Русь политически разбита на отдельные более или менее обособленные области, в каждой из которых политическим и хозяйственным центром является большой торговый город, первый устроитель и руководитель ее политического быта, потом встретивший соперника в пришлом князе, но и при нем не терявший важного значения. Господствующий политический факт периода — политическое дробление земли под руководством городов. Господствующим фактом экономической жизни в этот период является внешняя торговля с вызванными ею лесными промыслами, звероловством и бортничеством (лесным пчеловодством). Это Русь Днепровская, городовая, торговая.

С XIII до середины XV в. приблизительно среди общего разброда и разрыва народности главная масса русского населения является на Верхней Волге с ее притоками. Эта масса остается раздробленной политически уже не на городские области, а на княжеские уделы. Удел — это совсем другая форма политического быта. Господствующий политический факт пе-

риода — удельное дробление Верхневолжской Руси под властью князей. Господствующим фактом экономической жизни является сельскохозяйственная, т. е. земледельческая, эксплуатация алаунского суглинка посредством вольного крестьянского труда. Это Русь Верхневолжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая.

С половины XV до второго десятилетия XVII в. главная масса русского населения из области Верхней Волги растекается на юг и восток по донскому и средневолжскому чернозему, образуя особую ветвь народа — Великороссию, которая вместе с населением расширяется за пределы Верхнего Поволжья. Но, расплываясь географически, великорусское племя впервые соединяется в одно политическое целое под властью московского государя, который правит своим государством с помощью боярской аристократии, образовавшейся из бывших удельных князей и удельных бояр. Итак, господствующий политический факт периода — государственное объединение Великороссии. Господствующим фактом жизни экономической остается сельскохозяйственная разработка старого верхневолжского суглинка и новозаятого средневолжского и донского чернозема посредством вольного крестьянского труда; но его воля начинает уже стесняться по мере сосредоточения землевладения в руках служилого сословия, военного класса, вербующего государство для внешней обороны. Это Русь Великая, Московская, царско-боярская, военно-землевладельческая.

С начала XVII до половины XIX в. русский народ распространяется по всей равнине от морей Балтийского и Белого до Черного, до Кавказского хребта, Каспия и Урала и даже проникает на юг и восток далеко за Кавказ, Каспий и Урал. Политически все почти части русской народности соединяются под одной властью: к Великороссии примыкают одна за другой Малороссия, Белороссия и Новороссия, образуя Всероссийскую империю. Но эта собирающая всероссийская власть действует уже с помощью не боярской аристократии, а военно-служилого класса, сформированного государством в предшествующий период — дворянства. Это политическое сбирание и объединение частей Русской земли и есть господствующий политический факт периода. Основным фактом экономической жизни остается земледель-

Таковы пережитые нами периоды нашей истории, в которых отразилась смена исторически выработавшихся у нас складов общежития. Пересчитаем еще раз эти периоды, обозначая их по областям равнины, в которых сосредоточивалась в разные времена главная масса русского народонаселения: 1) днепровский, 2) верхневолжский, 3) великорусский, 4) всероссийский.

Прежде всего обратите внимание на то, что факты политические и экономические отличаются от так называемых идей своим происхождением и формами или способами проявления. Эти факты суть общественные интересы и отношения, и их источник — деятельность общества, совокупные усилия лиц, его составляющих. Они и проявляются в актах не единоличного, а коллективного характера, в законодательстве, в деятельности разных учреждений, в юридических сделках, в промышленных предпри-

Гравюра из книги А. Олелария «Описание путешествия
в Московию, через Московию в Персию и обратно»
(СПб., 1906)

ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ. Между обеими этими силами, лицом и обществом, между индивидуальным умом и коллективным сознанием происходит постоянный обмен услуг и влияний. Общественный порядок питает уединенное размышление и воспитывает характеры, служит предметом личных убеждений, источником нравственных правил и чувств, эстетических возбуждений; у каждого порядка есть свой культ, свое *credo*, своя поэзия. Зато и личные убеждения, становясь господствующими в обществе, входят в общее сознание, в нравы, в право, становятся правилами, обязательными и для тех, кто их не разделяет, т. е. делаются общественными фактами.

УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ИДЕИ в ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ. Так от общественных отношений отлагаются идеи, а идеи перерабатываются в общественные отношения. Но в историческом изучении не следует смешивать те и другие, потому что это — явления различных порядков. История имеет

дело не с человеком, а с людьми, ведает людские отношения, предоставляя одиночную деятельность человека другим наукам. Вы поймете, когда личная идея становится общественным, т. е. историческим фактом: это — когда она выходит из пределов личного существования и делается общим достоянием, и не только общим, но и обязательным, т. е. общепризнанным правилом или убеждением. Но чтобы личная идея получила такое обязательное действие, нужен целый прибор средств, поддерживающих это действие, — общественное мнение, требование закона или приличия, гнет полицейской силы. Идеи становятся историческими факторами подобно тому, как делаются ими силы природы. Сколько веков от создания мира молния, по-видимому, бесполезно и даже разрушительно озаряла ночную мглу, пугая воображение и не увеличивая количества света, потребляемого человеком, не заменяя даже ночника при колыбели! Но потом электрическую искру поймали и приручили, дисциплинировали, запрягли в придуманный для нее снаряд и заставили освещать улицы и залы, пересылать письма и таскать тяжести — словом, превратили ее в культурное средство. И идеи нуждаются в подобной же обработке, чтобы стать культурно-историческими факторами. Сколько прекрасных мыслей, возникавших в отдельных умах, погибло и погибает бесследно для человечества только потому, что не получает вовремя надлежащей обработки и организации! Они украшают частное существование, разливают много света и тепла в семейном или дружеском кругу, помогая домашнему очагу, но ни на один заметный градус не поднимают температуры общего благосостояния, потому что ни в праве, ни в экономическом обороте не находят соответствующего прибора, учреждения или предприятия, которое вывело бы их из области добрых упований, т. е. досужных грез, и дало бы им возможность действовать на общественный порядок. Такие необработанные, как бы сказать, *сырые* идеи — не исторические факты: их место в биографии, в философии, а не в истории.

Теперь я вас прошу возвратиться к программе курса. Изучая факты политические и экономические, мы в основе каждого из них найдем какую-либо идею, которая, может быть, долго блуждала в отдельных умах, прежде чем добилась общего признания и стала руководящей политикой, законодательства или хозяйственного оборота. Только такие идеи и могут быть признаны

историческими явлениями. Таким образом, сама жизнь помогает историческому изучению: она производит практическую разборку идей, отделяя деловые или счастливые от досужных или неудачных. В литературе мы встречаем осадок того, что было передумано и пережито отдельными мыслящими людьми известного времени. Но далеко не весь этот запас личной мысли и чувства входит в житейский оборот, делается достоянием общества, культурно-историческим запасом. Что из этого запаса усваивается общежитием, то воплощается в учреждение, в юридическое или экономическое отношение, в общественное требование. Это воплощение, т. е. эта практическая обработка идеи, и вводит ее фактором в исторический процесс. Идеи, блеснувшие и погасшие в отдельных умах, в частном личном существовании, столь же мало увеличивают запас общежития, как мало обогащают инвентарь народного хозяйства замысловатые маленькие мельницы, которые строят дети на дождевых потоках.

Итак, я вовсе не думаю игнорировать присутствия или значения идей в историческом процессе или отказывать им в способности к историческому действию. Я хочу сказать только, что не всякая идея попадает в этот процесс, а попадая, не всегда сохраняет свой чистый первоначальный вид. В этом виде, просто как идея, она остается личным порывом, поэтическим идеалом, научным открытием — и только; но она становится историческим фактором, когда овладевает какою-либо практической силой, властью, народной массой или капиталом, — силой, которая перерабатывает ее в закон, в учреждение, в промышленное или иное предприятие, в обычай, наконец, в поголовное массовое увлечение или художественное всем осязательное сооружение, когда, например, набожное представление выси небесной отливается в купол Софийского собора.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФАКТОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ и ПОЛИТИЧЕСКИХ. Из соображений, объясняющих план курса, извлечем некоторые методологические выводы. Полагая в основу исторического изучения процессы политические и экономические, я не хочу сказать, что историческая жизнь состоит только из этих процессов и что историческое изучение должно ограничиваться канцеляриями да рынками. Не одними канцеляриями и рынками движется историческая

Торжок в 1630-е гг.

Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию, через Московию в Персию и обратно» (СПб., 1906)

жизнь; но с них удобнее начинать изучение этой жизни. Подступая в изучении к известному обществу с политической и хозяйственной стороны его жизни, мы входим в круг тех умственных и нравственных понятий и интересов, которые уже перестали быть делом отдельных умов, личных сознаний, и стали достоянием всего общества, факторами общежития. Следовательно, политический и экономический порядок известного времени можно признать показателем его умственной и нравственной жизни: тот и другой порядок настолько могут быть признаны такими показателями, насколько они проникнуты понятиями и интересами, восторжествовавшими в умственной и нравственной жизни данного общества, насколько эти понятия и интересы стали направляющими юридических и материальных его отношений. Но в отдельных умах, в частном обиходе мы всегда найдем запас других помыслов и стремлений, не достигших

такого господства, оставшихся без практического употребления. Да и житейский порядок, политический и экономический, основанный на господствующих идеях и закрепляющий их господство своими принудительными средствами, может возбуждать в отдельных умах или в известной части общества помыслы, чувства, стремления, несогласные с его основами, даже прямо против них протестующие; они или гаснут, или ждут своего времени. У нас, например, в XVIII в. жалобы на несправедливость крепостного права посылались из самой крепостной среды даже раньше, чем в образованном обществе; но долго эти жалобы обращали на себя еще меньше правительственного внимания, чем освободительные представления образованных людей. Однако потом опасения, внушенные настроением крепостной среды, действовали на ход освободительного дела сильнее каких-либо соображений высшего порядка.

Триумфальные ворота в Москве. Середина XIX в.

Литография Ф. Бенца

изучения не совпадает с порядком жизни, идет от следствий к причинам, от явлений к силам.

Что же, однако, какие именно предметы представят пред нами в изучении, отправляющемся от политических и экономических фактов, и насколько полно охватит оно народную жизнь? Эти предметы — государство и общество, их строение и взаимное отношение, люди, руководившие строением того и другого, условия внешние, международные, и внутренние, физические и нравственные, устанавливавшие отношение между тем и другим, внутренние борьбы, какие при этом приходилось переживать народу, производительные силы, которыми созидалось народное хозяйство, формы, в какие отливался государственный и хозяйственный быт народа. Всего этого мы коснемся с большим или меньшим досугом, иного даже только мимоходом. Может быть, придется задержать ваше внимание на некоторых глубоких переломах социальных и нравственных, пережитых нашим обществом. Но чего бы я желал всего более, это — чтобы из моего курса вы вынесли ясное представление о двух процессах, коими полагались основы нашего политического

и народного быта и в которых, кажется мне, всего явственнее обнаруживались сочетания и положения, составляющие особенность нашей истории. Изучая один из этих процессов, мы будем следить, как вырабатывалось в практике жизни и выяснялось в сознании народа понятие о государстве и как это понятие выражалось в идее и деятельности верховной власти; другой процесс покажет, как в связи с ростом государства завязывались и сплетались основные нити, образовавшие своей сложной тканью нашу народность. Но это слишком узкая программа, подумаете вы. Не буду оспаривать этого и останусь при своей программе. Курс истории — далеко не вся история: заключенный в тесные пределы академического года, в рамки учебных часов и минут, курс не может охватить всей широты и глубины исторической жизни народа. В этих границах преподаватель может со своими слушателями проследить лишь такие течения истории, которые представляются ему главными, господствующими, обращаясь к другим струям ее, лишь поскольку они соприкасались или сливались с этими магистральями. Если вы из моего изложения при всех

«Боярин Федор Иванович Шереметев сдает сохраненные им в Смутное время царские сокровища».

Гравюра Флюгеля по рисунку А. Земцова, конец XIX в.

его пробелах вынесете хотя в общих очертаниях образ русского народа как исторической личности, я буду считать достигнутой научную цель своего курса.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ ИЗУЧЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ. Из общей задачи исторического изучения мы вывели научную цель изучения местной истории, а эта цель дала нам основание для плана курса, указала порядок и приемы изучения русской истории. В связи с той же задачей решается еще один вопрос: сверх чисто научного какой еще практический результат можно получить от изучения местной истории? Этот вопрос тем важнее, что местная история, изучение которой мы предпринимаем, есть история нашего отечества. Научные наблюдения и выводы, какие мы сделаем при этой работе, должны ли остаться в области чистого знания, или они могут выйти из нее и оказать влияние на наши стремления и поступки? Может ли научная история отечества иметь свою прикладную часть для детей его? Я думаю, что может и должна иметь, потому что цена всякого знания определяется его связью с нашими нуждами, стремлениями и поступками; иначе знание становится простым балластом памяти, пригодным для ослабления житейской качки разве только пустому кораблю, который идет без настоящего ценного груза. Какая же может быть эта практическая, прикладная цель? Укажу ее теперь же, чтобы не напоминать об ней в изложении курса: она будет молчаливым стимулом нашей работы.

ГОСУДАРСТВО и НАРОДНОСТЬ — ГЛАВНЫЕ ПРЕДМЕТЫ КУРСА.

Я сейчас сказал об исторической личности народа: это — основной предмет изучения его истории. Значение народа как исторической личности заключается в его историческом призвании, а это призвание народа выражается в том мировом положении, какое он создает себе своими усилиями, и в той идее, какую он стремится осуществить своею деятельностью в этом положении. Свою роль на мировой сцене он выполняет теми силами, какие успел развить в себе своим историческим воспитанием. Идеал исторического воспитания народа состоит в полном и стройном развитии всех элементов общежития и в таком их соотношении, при котором каждый элемент развивается и действует в меру своего нормального значения в общественном составе, не принижая себя и не угнетая других. Только историческим изучением проверяется ход этого воспитания. История народа, научно воспроизведенная, становится прихода-расходной его книгой, по которой подсчитываются недочеты и передержки его прошлого. Прямое дело ближайшего будущего — сократить передержки и пополнить недоимки, восстановить равновесие народных задач и средств. Здесь историческое изучение своими конечными выводами подходит вплоть к практическим потребностям текущей минуты, требующей от каждого из нас, от каждого русского человека отчетливого понимания накопленных народом средств и допущенных или вынужденных недостатков своего исторического воспитания. Нам, русским, понимать это нужнее, чем кому-либо. Вековыми усилиями и жертвами Россия образовала государство, подобного которому по составу, размерам и мировому положению не видим со времени падения Римской империи. Но народ, создавший это государство, по своим духовным и материальным средствам еще не стоит в первом ряду среди других европейских народов. По неблагоприятным историческим условиям его внутренний рост не шел в уровень с его международным положением, даже по временам задерживался этим положением. Мы еще не начинали жить в полную меру своих народных сил, чувствуемых, но еще не вполне развернувшихся, не можем соперничать с другими ни в научной, ни в общественно-политической, ни во многих других областях. Достигнутый уровень народных сил, накопленный запас народных средств — это плоды

многовекового труда наших предков, результаты того, что они успели сделать. Нам нужно знать, чего они не успели сделать; их недоимки — наши задачи, т. е. задачи вашего и идущих за вами поколений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Чем же могут помочь решению этих задач когда-то составившиеся в нашей истории сочетания общественных элементов, которые мы будем изучать? Люди иногда чувствуют неловкость своего положения, тяжесть общественного порядка, в котором живут, но не умеют ни определить, ни объяснить отчетливо этой тяжести и неловкости. Историческое изучение вскрывает неправильности в складе общества, больно и смутно чувствуемые людьми, указывает ненормальное соотношение каких-либо общественных элементов и его происхождение и дает возможность сообразить средства восстановления нарушенного равновесия. Если мы заметим, например, что в нашем прошлом одни общественные элементы не в меру развивались на счет и в ущерб другим, столь же законным, мы поймем, какие именно предстоит нам усиленно развивать, чтобы достигнуть возможной стройности и справедливости общественного состава. Каждому народу история задает двустороннюю культурную работу — над природой страны, в которой ему суждено жить, и над своею собственной природой, над своими духовными силами и общественными отношениями. Если нашему народу в продолжение веков пришлось упорно бороться с лесами и болотами своей страны, напрягая силы на черную подготовительную работу цивилизации, то нам предстоит, не теряя приобретенной в этой работе житейской выносливости, напряженно работать над самими собой, развивать свои умственные и нравственные силы, с особенной заботливостью устанавливать свои общественные отношения. Таким образом, изучение нашей истории может помочь нам уяснить задачи и направление предстоящей нам практической деятельности. У каждого поколения могут быть свои идеалы, у мо-

его свои, у вашего другие, и жалко то поколение, у которого нет никаких. Для осуществления идеалов необходимы энергия действия, энтузиазм убеждения; при осуществлении их неизбежны борьба, жертвы. Но это не все, что необходимо для их торжества: нужны не только крепкие нервы и самоотверженные характеры, нужны еще и сообразительные умы. Как легко испортить всякое хорошее дело и сколько высоких идеалов успели люди уронить и захватать немелкими или неопытными руками? Наши идеалы не принадлежат исключительно нам и не для нас одних предназначались: они перешли к нам по наследству от наших отцов и дедов или достались нам по культурному преемству от других обществ, созданы житейскими опытами и умственными усилиями других народов, раньше или больше нашего поработавших, и при создании их имелись в виду не наши, а совсем другие силы, средства и положения. Поэтому они пригодны не для всех, не всегда и не везде. Чтобы знать, какие из них и в какой мере могут быть осуществлены в известном обществе и в известное время, надобно хорошо изучить наличный запас сил и средств, какой накопило себе это общество; а для того нужно взвесить и оценить исторические опыты и впечатления, им пережитые, нравы и привычки, в нем воспитанные. Это тем необходимее, что мы живем во время, обильное идеалами, но идеалами, борющимися друг с другом, непримиримо враждебными. Это затрудняет целесообразный выбор. Знание своего прошлого облегчает такой выбор: оно не только потребность мыслящего ума, но и существенное условие сознательной и корректной деятельности. Вырабатывающееся из него историческое сознание дает обществу, им обладающему, тот глазомер положения, то чутье минуты, которые предохраняют его как от косности, так и от торопливости.

Определяя задачи и направление своей деятельности, каждый из нас должен быть хоть немного историком, чтобы стать сознательно и добросовестно действующим гражданином.

ЛЕКЦИЯ III

Форма поверхности Европейской России. Климат. Геологическое происхождение равнины. Почва. Ботанические поясы. Рельеф равнины. Почвенные воды и атмосферные осадки. Речные бассейны.

Начиная изучение истории какого-либо народа, встречаем силу, которая держит в своих руках колыбель каждого народа, — природу его страны.

В географическом очерке страны, предпосылаемом обзору ее истории, необходимо отметить те физические условия, которые оказали наиболее сильное действие на ход ее исторической жизни.

ФОРМА ПОВЕРХНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ. Мы говорим *Восточная Европа* или *Европейская Россия*, когда хотим обозначить географическое отношение России к странам, лежащим к западу от нее, или отличить русские владения по сю сторону Урала от зауральских. *Уральский хребет*, повторяем мы, *отделяет Азию от Европы*. Мы так привыкли к этим выражениям, что не предполагаем возможности и не чувствуем надобности выражаться как-нибудь иначе, точнее. Однако географические представления образованного мира

не всегда совпадали с этими привычными нашими выражениями. Древние греческие географы, например, проводили раздельную черту между Европой и Азией по реке Танаису (Дону), так что значительная часть нынешней Европейской России оказалась бы за пределами Европы, а город Москва — на восточной ее границе, если бы тогда существовал. Взгляд античной географии находил историческое оправдание в явлении, идущем с противоположного полюса человеческого развития. Сама Азия, настоящая кочевая Азия, испокон веков наводняя своими кибитками и стадами нынешнюю южную Россию, по-видимому, слабо чувствовала, что она попадала в Европу. Перевалив за Карпаты, в нынешнюю Венгрию, ее орды становились в невозможность продолжать прежний азиатский образ жизни и скоро делались оседлыми. На широких полях между Волгой и Днестром, по обе стороны Дона, они не чувствовали этой необходимости и целые века проживали здесь, как жили в степях Средней Азии.

Недаром бытовая практика дикого азиата сходилась с географическим воззрением образованного грека. Две географические особенности отличают Европу от других частей света и от Азии преимущественно: это, во-первых, *разнообразие форм поверхности* и, во-вторых, *чрезвычайно извилистое очертание морских берегов*. Известно, какое сильное и разностороннее действие на жизнь страны и ее обитателей оказывают обе эти особенности. Европе принадлежит первенство в силе, с какою действуют в ней эти условия. Нигде горные хребты, плоскогорья и равнины не сменяют друг друга так часто, на таких сравнительно малых пространствах, как в Европе. С другой стороны, глубокие заливы, далеко выдававшиеся полуострова, мысы образуют как бы береговое кружево Западной и Южной Европы. Здесь на 30 квадратных миль материкового пространства приходится одна миля морского берега, тогда как в Азии одна миля морского берега приходится на 100 квадратных миль материкового пространства. Типической страной Европы в обоих этих отношениях является южная часть Балканского полуострова, древняя Эллада: нигде море так причудливо не избороздило берегов, как с восточной ее стороны; здесь такое разнообразие в устройстве поверхности, что на пространстве каких-нибудь двух градусов широты можно встретить почти все породы деревьев, растущих в Европе, а Европа простирается на 36 градусов широты.

ЧЕРТЫ СХОДСТВА с АЗИЕЙ. Россия — я говорю только о Европейской России — не разделяет этих выгодных природных особенностей Европы, или, говоря точнее, разделяет их в одинаковой степени с Азией. Море образует лишь малую долю ее границ, береговая линия ее морей незначительна сравнительно с ее материковым пространством, именно, одна миля морского берега приходится на 41 квадратную милю материка. Однообразие — отличительная черта ее поверхности; одна форма господствует почти на всем ее протяжении: эта форма — равнина, волнообразная плоскость пространством около 90 тысяч квадратных миль (более 400 миллионов десятин), т. е. площадь, равняющаяся более чем девяти Франциям и очень невысоко (вообще, саженей на 79—80)

приподнятая над уровнем моря. Даже в Азии среди ее громадных сплошных пространств одинаковой формации наша равнина заняла бы не последнее место: Иранское плоскогорье, например, почти вдвое меньше ее. К довершению географического сродства с Азией эта равнина переходит на юге в необозримую маловодную и безлесную степь пространством тысяч в 10 квадратных миль и приподнятую всего сажень в 25 над уровнем моря. По геологическому своему строению эта степь совершенно похожа на степи Внутренней Азии, а географически она составляет прямое, непрерывное их продолжение, соединяясь со среднеазиатскими степями широкими воротами между Уральским хребтом и Каспийским морем и простираясь из-за Урала сначала широкою, а потом все суживающеюся полосой по направлению к западу, мимо морей Каспийского, Азовского и Черного. Это как бы азиатский клин, вдвинутый в Европейский материк и тесно связанный с Азией исторически и климатически. Здесь искони шла столбовая дорога, которой через урало-каспийские ворота хаживали в Европу из глубины Азии страшные гости, все эти кочевые орды, неисчислимые, как степной ковыль или песок азиатской пустыни. Умеренная, во всем последовательная Западная Европа не знает таких изнурительных летних засух и таких страшных зимних метелей, какие бывают на этой степной равнине, а они заносятся сюда из Азии или ею поддерживаются.

Столько Азии в Европейской России. Исторически Россия, конечно, не Азия, но географически она не совсем и Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой; но природа положила на нее особенности и влияния, которые всегда влекли ее к Азии или в нее влекли Азию.

КЛИМАТ. От однообразия формы поверхности в значительной мере зависит и *климат* страны, распределение тепла и влаги в воздухе и частью направление ветров. На огромном пространстве от крайнего северного пункта материкового берега Вайгачского пролива (Югорского шара), почти под 70° северной широты, до южной оконечности Крыма и северных предгорий Кавказского хребта, приблизительно до 44°, на протяжении 2700 верст

«Описание Руси, Московии и Тартарии».

Карта Антония Дженкинсона, 1562 г.

можно было бы ожидать резких климатических различий. По особенностям климата нашу равнину делят на четыре климатических пояса: **арктический** — по ту сторону полярного круга, **северный**, или **холодный**, — от 66,5 до 57° северной широты (приблизительно до параллели г. Костромы), **средний**, или **умеренный**, охватывающий срединную полосу равнины до 50° северной широты (линия Харьков — Камышин), и **южный**, **теплый**, или **степной**, до 44° северной широты. Но климатические особенности этих поясов гораздо менее резки, чем на соответствующих пространствах Западной Европы: однообразие формы поверхности делает климатические переходы с севера к югу и с запада к востоку более мягкими. Внутри Европейской России нет значительных гор меридионального направления, которые производили бы резкую разницу в количестве влаги на их западных, восточных

склонах, задерживая облака, идущие со стороны Атлантического океана, и заставляя их разрешаться обильными дождями на западных склонах; нет в России и значительных гор поперечного направления, идущих с запада на восток, которые производили бы чувствительную разницу в количестве теплоты на севере и на юге от них. Ветры, беспрепятственно носясь по всей равнине и мешая воздуху застаиваться, сближают в климатическом отношении места, очень удаленные друг от друга по географическому положению, и содействуют более равномерному распределению влаги с запада на восток и тепла с севера на юг. Поэтому высота над уровнем моря не имеет большого значения в климате нашей страны. Моря, окаймляющие Россию с некоторых краев, сами по себе, независимо от формы ее поверхности и движения ветров, также производят слабое действие на климат внутреннего

между веяниями западными и восточными, если бы это явление не было так далеко от метеорологии.

Ограничиваясь срединной полосой Европейской России, главной сценой нашей древней истории, без южных степей и Крайнего Севера, климат этого пространства, как он определился указанными условиями, обыкновенно характеризуют такими общими чертами: зима не особенно суровая, но продолжительная, покрывающая землю снегом и воды льдом, при незначительной разнице в температуре по широте и при более заметном ее изменении по долготе; весна поздняя, с частыми возвратами холодов; лето умеренно теплое, благоприятное для земледелия; температура изменяется часто и быстро зимой и весной, реже и постепеннее летом и осенью.

ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКОЙ РАВНИНЫ. Описанная форма поверхности страны объясняется геологическим ее происхождением. Почва плоской котловины, какую представляет наша страна, состоит из рыхлых наносных пластов новейшего образования, которые лежат на площади из гранита и других древних горных пород, покрывая сплошной толщей всю поверхность равнины и образуя холмистые возвышения, сообщающие ей волнообразный вид. Эти пласты, состоящие преимущественно из смеси глины и песка, в некоторых местах южной степной полосы лишены всякой плотности. Эта зыбучая почва имеет такое однообразное строение, какое возможно было только при одинаковом ее происхождении. В нанос-

«Типы поморов (в зимней одежде)».

Фотография из книги «Северный край».

Иллюстрированный альбом Архангельской губернии»
(СПб., 1914)

«Типы поморов (в летней одежде)».

Фотография из книги «Северный край».

Иллюстрированный альбом Архангельской губернии»
(СПб., 1914)

ных слоях ее, представляющих морские осадки, находятся стволы деревьев и остовы допотопных животных, а по степи рассеяны каспийские раковины. Эти признаки заставили геологов предположить, что поверхность нашей равнины сравнительно нового образования и если не вся, то на большей части своего пространства была дном моря, обнажившимся в один из поздних геологических периодов. Берегами этого моря служили Уральские и Карпатские горы, чем объясняется присутствие обильных залежей каменной соли в этих горных хребтах. Воды, покрывавшие равнину, отлили в огромные водоемы, образуемые морями Каспийским и Аральским. Отлив произошел, вероятно, вследствие понижения дна этих больших впадин. Оба этих моря вместе с Черным признаются остатками вод обширного морского бассейна, некогда покрывавшего южную Россию и Прикаспийскую низменность. Осадки, отложившиеся от ушедшего моря, и образовали те правильные, однообразно расположенные глинисто-песчаные пласты, из которых состоит почва равнины на обширном протяжении. Севернее пространства, которое было покрыто этим морем, подобные пласты песку, глины и суглинка отложились при таянии от обширных ледников, покрывавших всю северную и большую часть средней России. Если бы возможно было с достаточной высоты взглянуть на поверхность Русской равнины, она представилась бы нам в виде узорчатой ряби, какую представляет обнажившееся песчаное дно реки или поверхность моря при легком ветре.

«Карта Мезенского и Пустозерского уездов с близлежащими островами и уездами».

Карта из «Атласа российского» (СПб., 1745)

ческое очертание и степного пространства, созданного этим отливом. Здесь степной характер почвы усиливается в том же юго-восточном направлении: чем позднее известная часть этого пространства вышла из-под моря, тем менее бывшее морское дно успело покрыться новыми почвенными образованиями. При юго-восточном направлении склона северо-западный край этого дна должен был обнажаться раньше северо-восточного, так что северный берег отступившего моря наклонялся к югу в западной своей части более, чем в восточной. И степная полоса имеет такое же очертание: она имеет вид треугольника, основание которого обращено к Уралу; имея наибольшую ширину в северо-восточной своей части, она постепенно суживается к юго-западу, упираясь клином в низовья Дуная.

СТЕПЬ. Степь не представляет безлесного пространства, однообразного по составу почвы и характеру растительности. В обоих этих отношениях ее можно разделить на две полосы, северную, *луговую*, и южную, *дерновую*. В первой — дерновой покров, луг, сплошь покрывает почву и чернозем отличается наибольшей тучностью; во второй — среди дерна остаются обнаженные прогалины и чернозем к югу становится все тоньше и скуднее перегноем. И леса в первой полосе рассеяны частыми островами, за что ее и характеризуют названием *лесостепной*, а во вторую они забегают кой-где отдельными клочками, ютятся в долинах или на горных склонах, где им благоприятствуют условия местности. И в этих местных изменениях сказывается зависимость южнорусской

минуя с юга Нижний Новгород, Рязань, Тулу, Чернигов, Киев и Житомир, переходная почва, близкая к чернозему, суглинистая с значительной примесью перегной от лиственного леса и потому называется *лесным суглинком*. Пролегая между суглинками и песчаниками северной области и обыкновенным степным черноземом и часто ими прерываемая, эта полоса является раздельной чертой между лесным и степным поясом: здесь встречаются и борются супесь и суглинок с черноземом, лес со степью.

Этот лесной пояс по составу почвы и по характеру растительности делая на две полосы: чернозем и лесной суглинок на юге питают лиственный лес, суглинок и песчаник на севере производят лес хвойный. Москва возникла, по-видимому, в ботаническом узле этих полос или близко к нему. Впрочем, лиственные породы так перемешались с хвойными, что речь может быть только о местном преобладании одних над другими, а не о точном географическом их разграничении. Несмотря на деятельность человека, притом русского человека, не привыкшего беречь леса, лесная площадь Европейской России до последнего времени еще сохраняла значительные размеры. По официальным данным 1860-х годов, здесь из 425 миллионов десятин лесом было покрыто 172 миллиона, т. е. около 40%. По сведениям Центрального статистического комитета, собранным в 1881 г., из 406 миллионов десятин лесная площадь Европейской России без Финляндии и привисленских губерний занимала 157,5 миллиона десятин, или почти 39%.

ГЛАВНЕЙШИЕ ВОДРАЗДЕЛЫ. Процесс образования поверхности нашей равнины, действие которого так заметно в климате страны, в строении ее почвы и в географическом распространении растительности, не менее деятельно повлиял и на распределение вод текучих и стоячих. Здесь имеют значение некоторые черты рельефа нашей равнины. Не нарушая общего равнинного характера страны, внутри нее выступают отдельные подъемы, которые по местам складываются в сплошные плоские возвышенности или гряды холмов со значительным протяжением, но довольно умеренной высотой, в наивысших точках не выше 220 саженей над уровнем моря. Недавние гипсометрические исследования Тилло показали, что внутренние возвышенности Европейской России следуют более

меридиональному, чем широтному направлению. Таковы так называемая *Среднерусская возвышенность*, начинающаяся в Новгородской губернии и протягивающаяся почти меридионально более чем на 1 тысячу верст до Харьковской губернии и Области Войска Донского, соприкасаясь там с Донецкою плоскою возвышенностью, идущею по Северному Донцу до Дона; *Приволжская возвышенность*, следующая в том же направлении от Нижнего Новгорода по правому берегу Волги и продолжающаяся также на юге рядом холмов — *Ергеней*; *Авратынская*, которая, начинаясь в Галиции, но совершенно отдельно от Карпат, проходит несколькими ветвями по Волынской и Подольской губерниям, наполняя своими отрогами соседние губернии и образуя днепровские пороги. Эти возвышенности отделяются одна от другой низинами, из которых наиболее важны исторически *Юго-Западная низменность*, идущая из Полесья по Днепру до Черного и Азовского морей, и центральная *Московская котловина*, или *Окско-Донская низменность* с долинами Оки, Клязьмы, Верхней Волги и Дона. Названные возвышенности со своими разносторонними разветвлениями служат водоразделами главнейших речных бассейнов средней и южной России, а по низменностям текут главные реки этих бассейнов, и, таким образом, эти возвышенности и низменности связаны с гидрографией Европейской России.

ВОДЫ. Среднерусская возвышенность северной своей частью образует Алаунское плоскогорье и Валдайские горы. Эти горы, поднимающиеся на 800—900 футов и редко достигающие тысячи футов, имеют наиболее важное гидрографическое значение для нашей равнины: здесь ее центральный гидрографический узел. Речная сеть нашей равнины — одна из выдающихся географических ее особенностей. За четыре с половиной века до нашей эры она бросилась в глаза и наблюдательному Геродоту; описывая Скифию, т. е. южную Россию, он замечает, что в этой стране нет ничего необыкновенного, кроме рек, ее орошающих: они многочисленны и величественны. И никакая другая особенность нашей страны не оказала такого разностороннего, глубокого и вместе столь заметного действия на жизнь нашего народа, как эта речная сеть Европейской России.

«Течение реки Волги от Самары до Царицына».

Карта из «Атласа российского» (СПб., 1745)

Форма поверхности и состав почвы Русской равнины дали ее речным бассейнам своеобразное направление; эти же условия доставляют им или поддерживают и обильные средства их питания. Наша равнина не обделена ни почвенной, ни атмосферной водой сравнительно с Западной Европой. Обилие тех и других вод в ее пределах зависит частью тоже от формы ее поверхности в связи с ее геологическим образованием. В углублениях между холмами северной и средней России остались от древнего ледника обильные скопы пресных вод в виде озер и болот; соляные озера Астраханской и Таврической губерний, остатки отлившего с южной России моря не имеют значения в ее речной системе. Озера, озерки и болота встречаются почти на всем пространстве северной и средней России. Верхневолжские губер-

нии Тверская, Ярославская и Костромская усеяны болотами и озерами: там они считаются сотнями. В Моложском уезде Ярославской губернии одно из многочисленных болот еще недавно занимало до 100 квадратных верст. С каждым годом, впрочем, это царство озерков и болот умалается. На наших глазах продолжается давний процесс исчезновения этих водных скопов: озера по краям затягиваются мхами и водорослями, суживаются, мелеют и превращаются в болота, которые, в свою очередь, с вырубкой лесов и понижением почвенных вод высыхают. Несмотря на то, площадь озер и болот в Европейской России все еще очень обширна. Озерами, которых в ней насчитывают свыше 5 тысяч, и болотами особенно богаты два края: это так называемая Озерная область и Полесье. В первом

краю, в губерниях Новгородской, Петербургской и Псковской, не считая Архангельской, Олонецкой и Тверской, которые по обилию озер также могут быть к ним причислены, болота, — только болота, не считая озер, — занимают до 3 миллионов десятин. В Полесье, т. е. в смежных частях губерний Гродненской, Минской и Волынской, площадь болот исчисляли почти в 2 миллиона десятин. Как трудна борьба с болотами, показывает ход осушки Полесья. В 1873 г. для этого составлена была особая экспедиция. В 25 лет работы она успела осушить до 450 тысяч десятин, т. е. около одной четверти всего болотного пространства Полесья.

С открытыми надземными водами тесно связаны воды подземные, грунтовые: первыми питаются последние или их питают. Общий закон их распределения в Европейской России: по направлению с севера к югу грунтовые воды постепенно углубляются. В северных широтах они очень близки к поверхности и сливаются с открытыми водами, образуя болота. В средней полосе они уходят вглубь уже на несколько саженей — до 6, а в Новороссии залегают на глубине 15 и более саженей. Они держатся в глинистых, песчаных и известковых породах, образуя по местам в средней полосе могучие жилы прекрасной воды, бесцветной, прозрачной, без запаха и с ничтожной минеральной примесью, какова, например, мытищинская вода, питающая водопроводы Москвы. Чем далее к югу, тем минеральная примесь в составе почвенной воды увеличивается.

Почвенные воды деятельно поддерживаются атмосферными осадками, распределение которых много зависит от направления ветров. Летом, с мая до августа, в северной и средней России господствуют западные и преимущественно юго-западные ветры, наиболее дождливые. Урал задерживает облака, несомые к нам этими ветрами со стороны Атлантического океана, и заставляет их разрешаться обильными дождями над нашей равниной; к ним присоединяются местные испарения от весеннего таяния снегов. Летом в северной и средней России выпадает обыкновенно больше дождей, чем в Западной Европе, и потому Россию считают вообще страной летних осадков. В южной степной России, напротив, преобладают сухие восточные ветры, которым открытая степь при ее непрерывной связи с пустынями Средней Азии дает свободный сюда

доступ. Потому количество летних осадков в средней и южной России увеличивается от юга и особенно юго-востока к северу и северо-западу. Годовое количество их в прибалтийских и западных губерниях — 475—610 миллиметров, в центральных — 471—598, восточных — 272—520, южных степных, астраханской и новороссийских — 136—475: minimum западных губерний — maximum южных.

РЕКИ. У подножия валдайских возвышений из болот и озер, залегающих между холмами и обильно питаемых осадками, которых здесь выпадает всего больше, дождями и снегами, берут начало главные реки Европейской России, текущие в разные стороны по равнине: Волга, Днепр, Западная Двина. Таким образом, Валдайская возвышенность составляет центральный водораздел нашей равнины и оказывает сильное влияние на систему ее рек. Почти все реки Европейской России берут начало в озерах или болотах и питаются сверх своих источников весенним таянием снегов и дождями. Здесь и многочисленные болота равнины занимают свое регулярное место в водной экономике страны, служа запасными водоемами для рек. Когда истощается питание, доставляемое рекам снеговыми и дождевыми вспомогательными средствами, и уровень рек падает, болота по мере сил восполняют убыль израсходованной речной воды. Рыхлость почвы дает возможность стоячим водам находить выход из их скопов в разные стороны, а равнинность страны позволяет рекам принимать самые разнообразные направления. Потому нигде в Европе не встретим такой сложной системы рек со столь разносторонними разветвлениями и с такой взаимной близостью бассейнов: ветви разных бассейнов, магистрали которых текут иногда в противоположные стороны, так близко подходят друг к другу, что бассейны как бы переплетаются между собою, образуя чрезвычайно узорчатую речную сеть, наброшенную на равнину. Эта особенность при нешироких и пологих водоразделах, волоках, облегчала канализацию страны, как в более древние времена облегчала судоходам перевозаживание небольших речных судов из одного бассейна в другой. Выходя из озер и болот с небольшой высотой над уровнем моря, русские реки имеют малое падение, т. е. медленное течение, причем встречаются рыхлый грунт, который легко размы-

вается. Вот почему они делают змеевидные изгибы. Реки горного происхождения, питающиеся таянием снегов в горах и падающие со значительных высот среди твердых горных пород, при своем быстром течении склонны к прямолинейному направлению, а где встречают препятствие в этих горных породах, там делают уклон под прямым или острым углом. Таково вообще течение рек в Западной Европе. У нас же вследствие малого падения и непрочного состава почвы реки чрезвычайно извилисты. Волга течет на протяжении 3480 верст, а прямое расстояние от ее истока до устья 1565 верст. Потому же главные реки своими бассейнами захватывают обширные области: Волга, например, со своими притоками отекает площадь в 1 216 460 квадратных верст.

ВЕШНИЕ РАЗЛИВЫ. Отметим в заключение еще две особенности русской гидрографии, также не лишенные исторического значения. Одна

из них — это полноводные весенние разливы наших рек, столь благотворные для судоходства и луговодства, оказавшие влияние и на побережное размещение населения. Другая особенность принадлежит рекам, текущим в более или менее меридиональном направлении: *правый берег у них, как вы знаете, вообще высок, левый низок*. Вам уже известно, что около половины прошлого века русский академик Бэр объяснил это явление суточным обращением Земли вокруг своей оси. Мы запомним, что эта особенность также оказала действие на размещение населения по берегам рек и особенно на систему обороны страны: по высоким берегам рек возводились укрепления и в этих укреплениях или около них сосредоточивалось население. Припомним местоположение большинства старинных укрепленных русских городов по реке Волге.

Ограничимся приведенными подробностями и попытаемся свести их в нечто цельное.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕКЦИЯ I	5	ЛЕКЦИЯ XV	177
ЛЕКЦИЯ II	16	ЛЕКЦИЯ XVI	192
ЛЕКЦИЯ III	26	ЛЕКЦИЯ XVII	208
ЛЕКЦИЯ IV	38	ЛЕКЦИЯ XVIII	225
ЛЕКЦИЯ V	47	ЛЕКЦИЯ XIX	238
ЛЕКЦИЯ VI	58	ЛЕКЦИЯ XX	248
ЛЕКЦИЯ VII	68	ЛЕКЦИЯ XXI	259
ЛЕКЦИЯ VIII	78	ЛЕКЦИЯ XXII	274
ЛЕКЦИЯ IX	88	ЛЕКЦИЯ XXIII	288
ЛЕКЦИЯ X	103	ЛЕКЦИЯ XXIV	303
ЛЕКЦИЯ XI	119	ЛЕКЦИЯ XXV	319
ЛЕКЦИЯ XII	136	ЛЕКЦИЯ XXVI	328
ЛЕКЦИЯ XIII	148	ЛЕКЦИЯ XXVII	340
ЛЕКЦИЯ XIV	160	ЛЕКЦИЯ XXVIII	351

ЛЕКЦИЯ XXIX	360	ЛЕКЦИЯ LVIII	713
ЛЕКЦИЯ XXX	369	ЛЕКЦИЯ LIX	721
ЛЕКЦИЯ XXXI	377	ЛЕКЦИЯ LX	736
ЛЕКЦИЯ XXXII	388	ЛЕКЦИЯ LXI	748
ЛЕКЦИЯ XXXIII	396	ЛЕКЦИЯ LXII	761
ЛЕКЦИЯ XXXIV	407	ЛЕКЦИЯ LXIII	773
ЛЕКЦИЯ XXXV	420	ЛЕКЦИЯ LXIV	782
ЛЕКЦИЯ XXXVI	434	ЛЕКЦИЯ LXV	796
ЛЕКЦИЯ XXXVII	446	ЛЕКЦИЯ LXVI	809
ЛЕКЦИЯ XXXVIII	457	ЛЕКЦИЯ LXVII	824
ЛЕКЦИЯ XXXIX	469	ЛЕКЦИЯ LXVIII	839
ЛЕКЦИЯ XL	480	ЛЕКЦИЯ LXIX	854
ЛЕКЦИЯ XLI	496	ЛЕКЦИЯ LXX	876
ЛЕКЦИЯ XLII	510	ЛЕКЦИЯ LXXI	890
ЛЕКЦИЯ XLIII	524	ЛЕКЦИЯ LXXII	905
ЛЕКЦИЯ XLIV	535	ЛЕКЦИЯ LXXIII	922
ЛЕКЦИЯ XLV	549	ЛЕКЦИЯ LXXIV	933
ЛЕКЦИЯ XLVI	562	ЛЕКЦИЯ LXXV	940
ЛЕКЦИЯ XLVII	573	ЛЕКЦИЯ LXXVI	958
ЛЕКЦИЯ XLVIII	584	ЛЕКЦИЯ LXXVII	977
ЛЕКЦИЯ XLIX	594	ЛЕКЦИЯ LXXVIII	989
ЛЕКЦИЯ L	609	ЛЕКЦИЯ LXXIX	1007
ЛЕКЦИЯ LI	625	ЛЕКЦИЯ LXXX	1019
ЛЕКЦИЯ LII	640	ЛЕКЦИЯ LXXXI	1041
ЛЕКЦИЯ LIII	652	ЛЕКЦИЯ LXXXII	1059
ЛЕКЦИЯ LIV	668	ЛЕКЦИЯ LXXXIII	1071
ЛЕКЦИЯ LV	679	ЛЕКЦИЯ LXXXIV	1088
ЛЕКЦИЯ LVI	691	ЛЕКЦИЯ LXXXV	1115
ЛЕКЦИЯ LVII	700	ЛЕКЦИЯ LXXXVI	1129